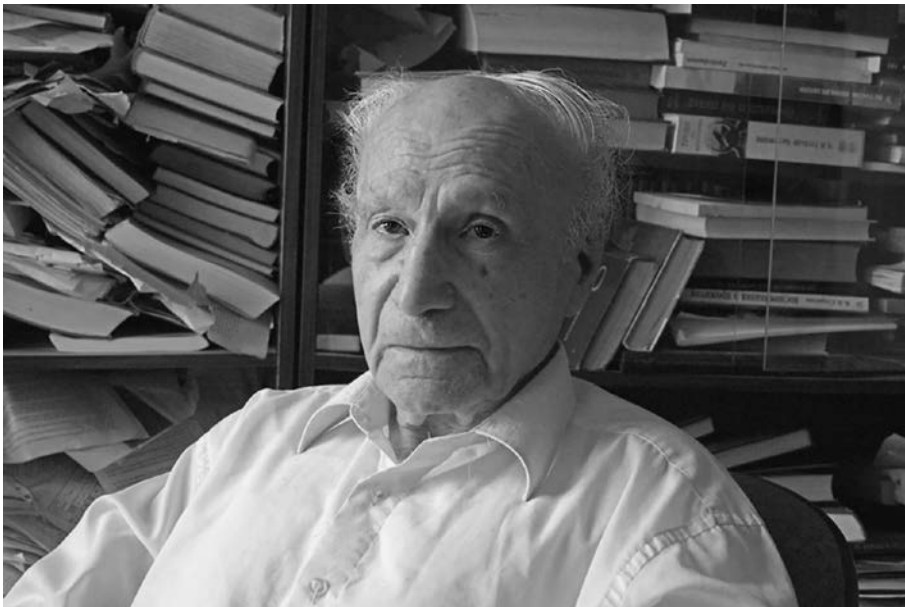

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА АРОНОВИЧА ЛИВШИЦА (1923–2017)

В. А. Лившиц в своем кабинете. 2016 г. Фотография Л. Синициной

10 июня 2017 г. российская и мировая иранистика понесли тяжелую утрату: на 94-м году жизни скончался доктор филологических наук, профессор, иностранный член Британской и Таджикской академий наук, старейший сотрудник Института восточных рукописей РАН, многолетний член редакционного совета и частый автор «Вестника древней истории» на протяжении шести десятилетий Владимир Аронович Лившиц.

В. А. Лившиц родился 6 октября 1923 г. в Петрограде, в Литейном округе, в семье инженера. С детства он в какой-то степени овладел идишем (который в дальнейшем помогал ему общаться с немецкими коллегами), но родным языком был, разумеется, русский. Отец был репрессирован во время довоенных чисток, но после нескольких лет депортации смог вернуться в Ленинград и дожил (с подорванным в ссылке здоровьем) до 90-летнего возраста. Будучи сыном «врага народа», Владимир Аронович все же смог поступить в вуз, пусть сначала в технический. Уже в юном возрасте он заинтересовался восточной культурой, особенно Персией, а после школы один из его друзей и одноклассников поступил на Восточное отделение филологического

факультета Ленинградского государственного университета. В течение года В. А. Лившиц экстерном учил персидский, читал сборник сказок *Тутти-намэ*, остающийся по сию пору основным учебным текстом для начинающих изучать фарси на Восточном факультете, и в результате был принят на второй курс того же отделения.

Но продолжению учебы помешала война. В. А. Лившиц, который был мастером историй и анекдотов о себе и своих коллегах, никогда не рассказывал о военных годах. Он рыл окопы, пережил самое страшное время в блокадном Ленинграде, лежал в госпиталях и был на фронте и, наконец, в 1945 г. вернулся в Ленинград и восстановился в университете.

Кроме изучения персидского, других восточных языков (и, разумеется, идеологических курсов), он посещал занятия по общей лингвистике и филологии, которые читали выдающиеся ученые. С 1946 г. он начал полевую работу в составе Согдийско-таджикской археологической экспедиции под руководством А. Ю. Якубовского (1886–1953); там он впервые познакомился с землей Таджикистана, участвовал в раскопках согдийского городища Пенджикента. Студента-ираниста, который обогнал свой курс, заметил молодой ассириолог И. М. Дьяконов (1915–1999), и В. А. Лившиц всегда считал его, несмотря на небольшую разницу в возрасте, своим учителем.

С 1948 г. И. М. Дьяконов, его брат историк-иранист М. М. Дьяконов (1907–1954) и Лившиц работали над незадолго до того открытыми остраками с арамейским письмом из Нисы, одной из столиц парфянской державы, расположенной в Туркмении. Первые шаги расшифровки они сделали вдвоем, после 1955 г. работу продолжили И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, а последние тома полного корпуса, включавшего более 2000 остраков, Владимир Аронович издал в одиночку в престижной международной серии *Corpus Inscriptionum Iranicarum*. В 2010 г. был издан в виде монографии словарь собственных имен парфян с приложением разновременных статей В. А. Лившица по парфянской эпиграфике.

Закончив университет, В. А. Лившиц и И. М. Оранский (1923–1977; истории Лившица из конца 1940–1950-х годов всегда велись в первом лице множественного числа: «мы» значило «Оранский и я») поступили в аспирантуру под руководством А. А. Фреймана (1879–1968), оба писали диссертации об афганском языке. Диссертация Лившица о личных местоимениях в пашто была опубликована только в виде нескольких журнальных статей.

После успешной защиты диссертаций Лившиц и Оранский были направлены на работу в Сталинабад (нынешний Душанбе) и вернулись в Ленинград только в 1958–1959 г., благодаря усилиям Б. Г. Гафурова (1908–1977; бывший первый секретарь ЦК компартии Таджикской ССР, позднее директор Института востоковедения АН СССР) и И. М. Дьяконова. Сталинабадские годы, несмотря на глубокую провинциальность, недоступность библиотек и минимальный жизненный комфорт, оказались невероятно плодотворными, да и вообще обстановка в этом молодом городе в 1950-х, судя по воспоминаниям многих начинавших там ученых, была удивительно дружной, веселой и энергичной. Лившиц работал в Институте языка и литературы АН ТаджССР, преподавал в Пединституте, причем читал лекции и на таджикском языке. В те годы он занимался составлением словаря к «Ягнобским текстам», собранным М. С. Андреевым и Е. М. Пещеревой, писал для него этимологические заметки, показывавшие близость современного малого языка горной долины Ягноба и среднеиранского согдийского. В процессе подготовки словаря Лившиц нашел ягнобца — подметальщика улиц в Душанбе — и интервьюировал его как носителя языка.

Важнейшее открытие было сделано в 1932–1933 г. в горах центрального Таджикистана: пастух случайно обнаружил корзину с древними текстами в руинах замка на горе Муг. В следующем году была снаряжена экспедиция АН СССР на гору Муг, которая обнаружила многие другие документы. Из единственного арабского документа архива стало ясно, что он принадлежал знатному и влиятельному согдийцу Дивасти-Деваштичу, который был казнен в 722 г. в ходе мусульманского завоевания Среднеазиатского междуречья. Большая часть документов была написана по-согдийски,

и это до сих пор единственная крупная находка текстов на этом восточноиранском языке среднего периода на территории собственно Согдианы. Фрейман, учитель Лившица, опубликовал небольшую выборку текстов, преимущественно рутинных хозяйственных документов. Он передал Лившицу полный набор фотографий текстов, и Лившиц, будучи в Сталинабаде, в свободное время начал работать с ними, подолгу крутил их перед глазами по ночам, пока не прочитал основную часть текстов. Результатом была серия статей, за которыми последовало издание — *editio princeps* юридических документов и писем с горы Муг с полным филологическим и историческим комментарием, включившее в себя все наиболее важные тексты. Среди них были не только монотонные письма с приветствиями и списки ежедневных расходов, но и разного рода контракты, дипломатическая переписка и даже шпионские донесения начала VIII в. В 1965 г. документы с горы Муг легли в основу докторской диссертации В. А. Лившица.

В последующие годы Лившиц продолжал работать с согдийскими текстами. Он издавал буддийские манускрипты, легенды на монетах и самые разные надписи. Для историка наиболее информативными, пожалуй, стали его толкования надписей на стенах «Зала послов» в Афрасиабе: благодаря их чтению удалось установить, что изображенные в зале события относятся к правлению самаркандского царя Вархумана (сер. VII в.), а сюжет росписи — прием послов Вархуманом. Весьма важной была работа В. А. Лившица и тюрколога С. Г. Кляшторного (1928–2014) о надписи на Бугутской стеле (Монголия), где повествуется о деяниях первых каганов тюрков в последней четверти VI в., краткие деловые тексты из Чильхуджры (Северный Таджикистан), датированные правлением царя *сиуиз*, т.е. Кавуса, последнего независимого правителя Уструшаны (до 822 г.), и поздние тюрко-согдийские надписи из долин Чу и Таласа в Семиречье. Сильно исправленное и дополненное издание документов с горы Муг, а также «малой» согдийской эпиграфики было предпринято В. А. Лившицем в увидевшей в 2008 г. свет книге «Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья», которая в 2010 г. получила премию Эхсана Яршатера, а в 2015 г. была издана по-английски в переводе Т. Стэйблфорда под редакцией Н. Симс-Вильямса (*“Sogdian Epigraphy of Central Asia and Semirechye”*) под эгидой *Corpus Inscriptionum Iranicarum*.

С 1958 г. Лившиц работал научным сотрудником в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (ныне Институт восточных рукописей РАН), в 2015 г. был переведен на позицию консультанта. В эти годы он продолжал работать над надписями согдийскими, парфянскими, а также среднеперсидскими, бактрийскими и хорезмийскими. Особенно впечатляет его вклад в изучение хорезмийского языка, восточноиранского идиома оазиса на нижней Сырдарье. Этот язык известен по глоссам и коротким фразам в словарях и юридических сочинениях исламского времени, а также по немногочисленной эпиграфике, относящейся к долгому периоду со II в. до н.э. по VIII в. н.э. С. П. Толстов (1907–1976), начальник Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, первым ввел в научный оборот понятие хорезмских надписей и монетных легенд, выполненных арамейским письмом, прочитал несколько имен, цифр, идеограмм. Лившиц полностью прочитал более длинные тексты, такие как надписи на оссуариях из Ток-калы и Миздахкана, документы из Топрак-калы, надписи на серебряных сосудах, многие монетные легенды и т.д. Чтения В. А. Лившицем хорезмийских надписей были высоко оценены В. Б. Хеннингом (1908–1967), ведущим иранистом своего поколения, который был, как правило, весьма резким и ироничным рецензентом.

Для В. А. Лившица, как и для многих других советских востоковедов, контакты с западными коллегами начались с участия в XXIII международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г., в организации которого самое активное участие принимал И. М. Дьяконов. С тех пор Лившиц вел обширную переписку и книгообмен с Хеннингом, И. Гершевичем (1914–2001), В. Ф. Минорским (1877–1966), И. И. Бикерманом (1897–1981), Р. Н. Фраем (1920–2014), Д. Н. Маккензи (1926–2001), В. Зундерманом (1935–2012) и многими другими. Лившиц был единодушно признан лучшим

эпиграфистом в области среднеиранских языков. Кроме этой, весьма широкой темы он активно публиковал статьи про иранскую топонимию и ономастику, становление новоперсидского языка, таджикскую диалектологию, общество Авесты, административную терминологию иранцев и происхождение древнетюркской руники.

Человек удивительно яркий, остроумный и дружелюбный, Лившиц всегда был душой компании: многих притягивали и его познания, и его задор. Он был мастером анекдотов из собственной жизни и из жизни коллег, и в этих долгих устных историях реальность приобретала формы то еврейской хохмы, то среднеазиатской притчи (некоторые из этих историй опубликованы учеником Лившица, академиком И. М. Стеблиным-Каменским в серии статей «Анекдоты про востоковедов»).

Хотя Лившиц официально не преподавал в университетах (за исключением сталинабадского периода жизни), вокруг него всегда образовывался кружок молодых ученых и студентов. Он щедро делился своими огромными знаниями, давал книги из личной библиотеки и был очень скрупулезным редактором черновиков работ, которые ему показывали (при этом за все время он опубликовал — да и то в соавторстве — лишь одну журнальную рецензию). Много работ было опубликовано Лившицем совместно с коллегами и учениками. Он принимал нас, своих учеников, обычно дома, дома же преподавал языки и очень серьезно готовился к занятиям, писал комментарии — грамматические, этимологические, исторические — к буквально каждому слову из согдийских или бактрийских текстов, которые мы штудировали. Всегда кормил сосисками и гречкой, которую мастерски готовил. Нередко случалось и откупорить бутылку, и часто на наше счастье выпадало и куда как более изысканное гостеприимство его жены, физика Н. Г. Птициной, а в последние годы и старшего сына Вячеслава, который по много месяцев жил с отцом. Приезды Лившица в археологические экспедиции оставляли по себе долгую память, как и его участие в международных конференциях (например, его присутствие на 5-й европейской конференции по иранистике в Равенне в октябре 2003 г., выпавшей на его 80-летний юбилей). У Лившица было 18 аспирантов и 3 докторанта (впрочем, некоторых из них он предпочитал называть скорее своими «псевдонимами», чем «учениками»), многие продолжают работать в самых разных научных центрах.

Из более чем 200 статей Лившица¹ 15 были опубликованы им — самостоятельно или, не реже, в соавторстве — в «Вестнике древней истории», многие из них оказали огромное влияние на развитие науки. В течение многих лет он был членом редакционного совета ВДИ.

Необходимо упомянуть статью И. М. Дьяконова и В. А. Лившица «О языке документов из Древней Нисы» (ВДИ. 1956. № 3. С. 100—113). Братья Дьяконовы и Лившиц занимались чтением остраков, найденных незадолго до того на городище Старая Ниса под Ашхабадом Южно-Туркменской комплексной археологической экспедицией. Остраки были выполнены арамейским письмом, и большая часть лексики, за исключением имен собственных, топонимов и немногих нарицательных слов, очевидно относилась к имперскому арамейскому, западносемитскому языку. Выдающийся семитолог И. Н. Винников (1897—1973) полагал, что язык надписей — арамейский, лишь отчасти искаженный иранским, парфянским окружением писцов. Лившиц и Дьяконов в своей статье на самой широкой и разнообразной доказательной базе показали, что язык документов — парфянский, но записанный с очень интенсивным использованием арамейских гетерограмм. Специалистам по среднеиранским языкам (как и ассириологам, как и японистам) хорошо известны новообразованные гетерографические системы письма, в которых начертание многих слов просто переносится из письменности языка-донора, и парфянское письмо остраков из Нисы — характерный

¹ Библиография В. А. Лившица до 2005 г. доступна на сайте Института восточных рукописей РАН: <http://www.orientalstudies.ru/rus/images/personalia/pdf/livshits.v.pdf>. Дополнения к библиографии опубликованы в сб.: *Commentationes Iranicae. Сборник в честь 90-летия В. А. Лившица*. СПб., 2013.

пример такой письменной системы. Грубые ошибки в арамейской грамматике, неподчинение иранских слов арамейским нормам и появление признаков иранской флексии, чередование арамеограмм и раскрытых написаний тех же слов — все это указывало, что язык остраков иранский, парфянский. Аргументы Дьяконова и Лившица были поддержаны авторитетом Хеннинга и прочно утвердились в науке.

Не меньшее значение имела статья В. А. Лившица и В. Г. Луконина (1932–1984) «Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах» (ВДИ. 1964. № 3. С. 155–176). В Государственном Эрмитаже имеется крупнейшая коллекция серебряных сосудов, выполненных мастерами доисламского Ирана и центральноазиатских земель. На многие из них нанесены краткие, слабо видимые надписи курсивом, которые с трудом поддаются интерпретации. Авторы дали убедительные чтения надписей, показали их преимущественно владельческий характер (причем владельцами зачастую выступали носители титулов, известных из монетных легенд), определили весовую драхму сасанидского Ирана и Согда, прочитали надписи бухарским изводом согдийского письма, иначе представленного совсем краткими текстами.

В 1989 г. В. А. Лившиц и И. М. Стеблин-Каменский приняли участие в оживленной дискуссии, последовавшей за публикацией В. И. Сарияниди (1929–2013) памятника бронзового века Тоголок-21 в Маргиане, который был интерпретирован автором раскопок как «протозороастрийский» храм. Они показали, что монументальное сооружение Тоголок 21 имеет сходство с зороастризмом лишь в одной особенности — присутствии веточек эфедры в органических остатках на дне пифосов. Остальные выделенные Сарияниди особенности этого выдающегося памятника не находят параллелей в реалиях, присутствующих в Авесте или упомянутых в других текстах о зороастризме (ВДИ. 1989. № 1. С. 174–176). В дальнейшем научный мир в целом скептически относился к находкам элементов зороастризма или «протозороастризма» среди памятников Маргианы, исследование которых является заслугой В. И. Сарияниди.

Огромное значение имела и работа В. А. Лившица и В. Ю. Зуева «О датировке парфянских надписей на фиалах из кургана 1 у деревни Прохоровка» (ВДИ. 2004. № 2. С. 3–11). Исследованный М. И. Ростовцевым Прохоровский курган 1 является ключевым памятником раннесарматской культуры, однако датировка его остается предметом оживленных дискуссий. Чтение нанесенных пуансоном кратких парфянских надписей на двух чашах из Прохоровки, анализ их палеографии, весовых норм и, особенно, морфологии, позволили датировать надписи на фиалах II–I вв. до н.э., вряд ли I в. н.э., т.е. временем остраков из Нисы. Сторонники ранней датировки прохоровского кургана предприняли попытку ревизии лингвистического анализа В. А. Лившица, не лишенную, однако, слабых мест².

Вплоть до последнего дня своей долгой жизни Владимир Аронович сохранял энергичный рабочий настрой, интересовался результатами коллег, привечал гостей. Многие помнят его многочисленные очень краткие телефонные звонки — узнать, что все в порядке, сообщить «ну, я работаю» и повесить трубку. До самых последних дней он работал над монографией по хорезмийской ономастике. «Сегодня я полежу, а завтра сяду работать» — последние слова, сказанные Владимиром Ароновичем Лившицем за четыре часа до последнего вздоха.

Pavel B. Lurje
The State Hermitage Museum,
Saint Petersburg, Russia
pavlslvria@gmail.com

П. Б. Лурье,
к. филол. н., Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия

² A.S. Balakhvantsev, L. T. Yablonskii. Once again on the Question of the Dating of Inscriptions from Prokhorovka. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 15 (2009), 137–165. Основной аргумент авторов — наличие «псевдоисторической» флексии *krny* на монете Аршака I (217–214 гг. до н.э.), однако тут косвенный (точнее, родительно-дательный) падеж *krny* /*kārānaya*-/ четко соответствует генитиву греческой легенды ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ, так что о псевдоисторичности написания говорить не приходится.

Редсовет, редколлегия и редакция «Вестника древней истории» прощаются с Владимиром Ароновичем Лившицем, с которым наш журнал был связан более полувека. Владимир Аронович долгие годы был одним из крупнейших в мире иранистов, в значительной мере благодаря ему наша наука занимала в этой области лидирующие позиции. Многие из нас хорошо знали его лично и никогда не забудут блестящих рассказов Владимира Ароновича, его остроумных и веселых историй из собственной жизни и жизни коллег, которые можно было слушать бесконечно. Трудно смириться с мыслью, что этот голос мы уже никогда не услышим.

Одну из своих последних работ Владимир Аронович написал для нашего журнала. Здесь мы даем ее текст — он выходит через 54 года после публикации в ВДИ его первой статьи о парфянском архиве из древней Нисы. Ее заголовок как бы обращен к нему самому: он был и мужественным, и умным, и добродетельным (сейчас чаще говорят «порядочным»).